

Громовержец

Санька рано остался без родителей. Шёл страшный 1938-ой...

Отец был механизатором "от бога" на местной МТС. И был ярим коммунистом, вёл партийные дела, читал на собраниях газеты. Арестовали его по доносу, якобы сочувствовал умершим от голода в Поволжье и на Украине. Увезли его ночью. В конце года расстреляли. Но мама Саньке сказала, что отец уехал на заработки в другое село.

Шло время. Отец не возвращался и не давал о себе знать. Мама стала молчаливой и Саньке не велела вести расспросы об отце. И чтобы в школе молчал. Было такое время, у многих "уехали" отцы, кто куда... Жизнь связывала народ, словно железными прутьями. Молча вставали по утрам, молча выходили из домов, молча отработывали смену, молча возвращались по домам. Волю давали слезам только где-нибудь в укромном месте, по ночам в подушку, без чужих глаз и ушей.

Мама совсем почернела, исхудала и с каждым днём угасала, как свечка под образами. Целыми часами она стояла на коленях перед иконами и молча молилась. Саньку она тоже ставила на колени и велела ниже склонять голову и слушать её шептание. Она просила Бога помиловать её и Саньку, отвести беды от их дома, за упокой души отца, за Санькино будущее. Но Бог молчал и строго смотрел на них с иконы. Однажды Санька осмелился и спросил маму: "А почему Бог всё молчит и не помогает нам?" Мама дала ему оплеуху и велела "не вести напраслину на Бога".

В середине мая мама умерла. Саньку взяла к себе сестра бабушки - баба Катя, потому, как у Саньки уже не было никого роднее, все его бабушки и дедушки умерли от голода. Голод-хуже и страшнее всего, что можно пережить. В те годы он свирепствовал по всему Поволжью. Вымирали семьями. Почти всё, что мог вырастить колхоз, вывозилось в города. Колхозы были брошены на выживание. За горсть зерна или кружку молока получали тюремный срок.

У бабы Кати все дети были уже взрослые и со своими семьями успели до голода уехать на Алтай. Приглашали и их туда, но баба Катя не пожелала оставить "милые края", да и ехать не было сил и средств. Она в свои семьдесят лет ещё трудилась на ферме. Хотя голод её тоже подкосил, но она ещё была крепкой и волевой. У неё был приусадебный участок, небольшой, с которого она собирала 3-4 ведра картошки, немного турнепса и репы. В этом году ещё стояла изнуряющая жара, с весны, которая грозила совсем оставить без урожая, даже такого скудного.

Саньку она на лето определила в подпаски, к пастуху деду Павло, бывшему донскому казаку. Тот поселился в этих краях ещё в двадцатых годах, с Дона, где тоже разгуливал голод.

Вставать приходилось рано, с петухами. Саньке очень хотелось спать, но властный голос бабы Кати заставлял миглом вскакивать. Одевшись, умывшись, он выпивал кружку молока, которую приносила соседка баба Груша, брал свой кнут, холщевую сумочку с двумя картошками и, с чувством, достойным уважения мужчины, вышагивал к стаду коров. Дед Павло давно уже служил пастухом, можно сказать, всю жизнь. Он полюбил Саньку за его сноровку и умение водить стадо. Но уж больно надоедливый и ворчливый он был. Всё время что-то бормотал в свои тараканьи усы, шептал что-то, а то и просто ругался. Видно, здесь было единственное место, где он мог высказать свои мысли. И Саньке часто попадало, почти ни за что.

Стояла долгая, изнуряющая жара. Стадо разбредалось по редким кустикам, где можно было ещё спастись от надоедливых оводов и жары. А то, с диким рёвом неслось к реке, где утолив жажду, стояло по колено в воде, усиленно отмахиваясь от гнуса. Санька в такие моменты тоже залетал в реку и плескался с детским задором, наслаждаясь прохладой воды. Дед Павло сидел где-то под кустами и напевал свои казацкие песни.

Но вот в один из таких дней, вдруг, на небе сгустились и сгрудились тучки. Потом они быстро превратились в одну страшную сине-чёрную тучу. Пастухи поспешили собрать стадо поближе к реденьким кустам и самим укрыться от вполне ожидаемого ливня. Дед Павло всё время ходил в брезентовом плаще, выданном ему со склада колхоза. Хоть жара, хоть стужа-

он не расставался с ним. Завернувшись поглубже в плащ, он сидел под кустом, не предложив Саньке своего убежища. Тот метался по полю в поисках хоть чего-то для укрытия. Быстро он влетел в середину стада и прижался к коровам. Но тут сверкнула такая большая и яркая молния, что Санька вскрикнул и упал. Коровы забеспокоились и начали мычать. Санька еле-еле прополз у них под ногами и, встав на ноги отдышался. И вдруг раздался такой раскат грома, что Саньке показалось, будто камни с чёрного неба разлетелись по полю. Потом ещё сверкнуло, ещё грохнуло и... полил страшный ливень, казалось, что вода тяжёлой стеной лилась с самого неба, но была настолько тёплой и ласковой, что он принялся отплясывать под ливнем, кувыркаться и орать от такой благодати.

Поискав взглядом деда Павло, Санька смекнул: "сейчас я тебе, дед Павло, устрою божью кару..." Набрал он в подол от рубашонки камней и уселся поодаль от деда. Как гром грохнет - так камень летит в деда; как грохнет - так снова камень летел в деда. А тот, перепугавшись, упал на колени и начал креститься и молиться: "Господи Иисусе! Спаси и помилуй мою душу...Господи спаси и помилуй..." Саньке очень было весело, он заливался от смеха. Так продолжалось несколько минут. Но тут дед Павло услышал смех Саньки и обернулся назад: Санька стоял весь мокрый, с него ручьями текла вода, и, в ожидании грома, держал очередной камень в руке. И дед Павло догадался, кто его "наказывал" и погрозил Саньке кулаком: "Ну, хлопчик, погоди...вечером бабке твоей пожалуюсь."

Закончился дождь. Выглянуло свежeweымытое солнце. Природа была очень довольна от такой "бани", что освободилась, наконец-то, от толстого слоя пыли и счастливо вздыхала. С полей и гор неслись потоки грязной воды... Земля дышала паром, довольная, что такой долгожданный дождь она давненько не видела. Пар поднимался высоко над полями и нежной дымкой растворялся под лучами солнца. Птицы, тоже изрядно подмокшие, сидели на кустиках и довольные щебетали. Коровы, стряхнув лишнюю влагу со спин, принялись уплетать чистую, влажную, хотя и пожухлую траву.

Вечером дед Павло зашёл к бабе Кате и о чём-то долго с ней говорил. Снял плащ, задрал пёструю рубаху и что-то ей показывал на спине. Затем шумно ушёл. Всё это Санька видел из окна, в ожидании наказания. Баба Катя молча вошла в дом, усадила Саньку за стол. Достала из печи картошку, парёнки и поставила на стол.- "Ешь, громовержец!"- и села рядом, дожидаясь когда он поест. Санька не спеша ел, чувствуя, что грядёт и ему расплата за содеянное.

Баба Катя взяла с кровати подушку, половичок с сундука и пальцем поманила Саньку за собой. Подошли к чуланке. Баба Катя впихнула туда Саньку, бросила подушку, половичок и, замкнув чуланку, помолившись, ушла. Санька, приглядевшись к темноте, увидел в углу кучу соломы, растрёс её и, постелив свою постельку, лёг. Долго ворочался, переживая свои проказы, но всё же уснул.

Утром, когда рассвело и в щель пробился солнечный свет, Санька увидел над своим лицом огромного лохматого паука. Тот нагло качался над носом Саньки. Санька до ужаса боялся пауков. Он вскочил и так закричал, что сбежались даже соседи. Кричал он даже тогда, когда зашла баба Катя в чуланку. Она молча взяла его за руку и вывела на свет божий. Он всё орал. Баба Катя прижала его к себе и ласково проговорила: "Ну что, громовержец, страшно? А деду не страшно было? Будешь ещё деда пугать?"

Санька больше не шкодил. Они даже подружились с дедом настолько, что тот стал делиться с ним своим обедом. Дождей больше не было. Колхоз наградил Саньку новыми ботинками, о которых он и не мечтал.

Незаметно пролетело лето.

Пришла пора идти в школу, которую Санька обожал больше всего на свете. Особенно он любил читать книжки про моря, города и другие земли. Читал всё, что попадало на глаза, даже у местного механика одолжил пособие по тракторам. Вечерами он пересказывал бабушке то, о чём прочитывал. Она молча слушала его, ничего не понимая в технике, любуясь на него, с каким азартом он рассказывал и, незаметно утирая невольную слезу, думала: "какой будет механизатор из него, видели бы родители, так рано, не по своей воле, покинувшие этот мир...но что ещё ждёт этого умника впереди?.."